

И вот я услышал о пылающем берегу Африки,  
Где голодный лев издает ужасный рык.

*Уильям Барнс Родс. Бомбастес Фуриозо.  
Сцена IV*

Майкла разбудил бессмысленный грохот стрельбы.

Это был нелепый ритуал, который начинался в темноте перед каждым рассветом, когда артиллерийские батареи по обе стороны хребтов творили дикарские подношения богам войны.

Майкл лежал в темноте под тяжестью шести шерстяных одеял и наблюдал за вспышками, проникавшими сквозь брезент палатки, подобно неким ужасающим всплескам северного сияния. Одеяла казались холодными и липкими, как кожа мертвеца, по палатке над головой стучал легкий дождь. Холод пропитал всю постель, но все же Майкл ощущал проблеск надежды. В такую погоду им не взлететь.

Однако ложная надежда быстро иссякла, когда Майкл снова прислушался к орудиям, на этот раз более внимательно, и смог определить направление ветра по звукам заградительного огня. Ветер снова дул с юго-запада, приглушая какофонию, и Майкл содрогнулся, натягивая одеяла до самого подбородка.

Как бы подтверждая его расчеты, легкий ветерок внезапно стих. Стук дождевых капель по брезенту ослабел и вскоре прекратился. Майкл услышал, как снаружи в тишине сада с деревьев падают яблоки, а потом последовал резкий порыв ветра, и ветки встряхнулись, как вышедший из воды спаниель, и обрушили на палатку тяжелый водопад капель.

Он решил, что незачем тянуться к золотым часам с крышкой, что лежали на перевернутом упаковочном ящике, служившем прикроватным столиком. Наверняка еще слишком рано. Поэтому он зарылся в одеяла и стал думать о своем страхе. Все они мучились страхом, однако жесткие условности, согласно которым

они жили, летали и умирали, не могли позволить им говорить об этом, запрещая упоминать о страхе даже в самых косвенных терминах.

Майкл гадал, стало бы ему спокойнее, если бы прошлым вечером, когда они с Эндрю сидели за бутылочкой виски, обсуждая утреннее задание, он смог бы сказать: «Эндрю, я до смерти напуган тем, что мы собираемся сделать»?

Он усмехнулся в темноту, представив себе смущение Эндрю, хотя и прекрасно знал, что Эндрю разделяет его страх. Это отражалось в его глазах, в нервном подрагивании его щеки, так что он постоянно касался ее пальцем, чтобы унять тик. Все старослужащие страдали от реакции на происходящее, каждый по-своему. У Эндрю дергалась щека, и еще он постоянно посасывал пустой сигаретный мундштук, как младенец сосет соску-пустышку. Майкл во сне скрипел зубами так громко, что сам от этого просыпался; он уже обкусал ноготь на большом пальце левой руки до мяса и каждые несколько минут дул на пальцы правой руки, словно только что прикоснулся к горячему угольку.

Страх слегка сводил их с ума и вынуждал слишком много пить — достаточно для того, чтобы уничтожить рефлекс нормального человека. Но они не были нормальными людьми, и алкоголь, похоже, на них не действовал, не притуплял их зрения и не замедлял движения ног на педалях направления. Нормальные мужчины погибли в первые три недели, они падали, как пылающие ели в лесной пожар, или ударялись о рыхлую, вспаханную снарядами землю с такой силой, что их кости разлетались в щепки, вонзавшиеся в их же плоть.

Эндрю продержался уже четырнадцать месяцев, а Майкл — одиннадцать, а это во много раз превосходило продолжительность жизни, которую боги войны даровали людям, летавшим на этих хрупких сооружениях из проволоки, дерева и полотна. Поэтому они дергались и суетились, постоянно моргали, пили виски вперемешку с чем угодно, смеялись коротко и отрывисто, а потом смущенно переминались на месте, а на рассвете лежали на своих койках, камня от ужаса и прислушиваясь в ожидании шагов...

Майкл услышал эти шаги, — видимо, было позже, чем ему казалось. Снаружи у палатки Биггс негромко выругался, наступив в лужу, и его ботинки издали негромкий непристойный звук,

чавкнув в грязи. Его сигнальный фонарь светил сквозь брезент, когда Биггс нащупывал откидное полотнище; наконец он, согнувшись, вошел в палатку.

— Пора вставать, сэр...

Его тон звучал бодро, но говорил он негромко, проявляя вежливость по отношению к офицерам в соседних палатках, тем, кому не предстоял полет этим утром.

— Ветер повернул к юго-юго-западу, сэр; в общем, прекрасным образом прояснилось, да. Звезды видны над Камбре...

Биггс поставил принесенный им поднос на упаковочный ящик и засуетился, собирая одежду, которую Майкл накануне вечером разбросал по дощатому настилу.

— Который час?

Майкл изобразил целую пантомиму, делая вид, что выбирается из глубокого сна, зевая и потягиваясь так, чтобы Биггс не смог догадаться о целом часе ужаса и легенда о Майкле не оказалась запятнанной.

— Половина шестого, сэр.

Биггс наконец собрал всю одежду и вернулся к койке, чтобы подать Майклу толстую фарфоровую кружку с какао.

— А лорд Киллигерран уже встал и сейчас в столовой.

— Этот чертов парень выкован из железа! — простонал Майкл.

Биггс подобрал с пола под койкой пустую бутылку из-под виски и поставил на поднос.

Майкл выпил какао, пока Биггс взбивал в мисочке пену для бритья. Затем тот держал перед Майклом полированное стальное зеркало и фонарь, когда Майкл брился опасной бритвой, сидя на койке и накинув на плечи одеяла.

— Какие ставки? — спросил Майкл.

Его голос прозвучал гнусаво, потому что он держал себя за кончик носа, приподнимая его, чтобы побрить верхнюю губу.

— Ставят три к одному на то, что вы с майором разобьете их в пух и прах.

Майкл вытер лезвие бритвы, обдумывая это. Сержант-механик, записывавший ставки, до войны держал собственную букмекерскую контору на ипподромах в Аскоте и Эйнтри. Он вполне мог решить, что имеется один шанс к трем за то, что или Эндрю, или Майкл, или они оба будут мертвы к полудню, и тогда никаких выплат.



— Это уже слишком, тебе не кажется, Биггс? — спросил Майкл. — Я имею в виду, оба они, а?

— Я поставил на вас половину жалования, сэр, — возразил Биггс.

— Помоги тебе Бог, Биггс, поставь и за меня пять фунтов.

Он показал на кошелек, лежавший рядом с его часами, и Биггс достал из него пять золотых монет и сунул их в карман. Майкл всегда ставил на себя. Он играл наверняка: ведь если он проигрывает, то в любом случае переживать ему не придется.

Биггс согрел над лампой бриджи Майкла и подал ему, и Майкл прямо из-под одеяла нырнул в них. Пока он заправлял в бриджи нижнюю рубашку, в которой и спал, Биггс продолжил сложную процедуру одевания своего командира, чтобы защитить его от смертельного холода при полете в открытой кабине. Поверх рубашки был надет шелковый жилет, две плотные шерстяные рыбацкие фуфайки, потом кожаная безрукавка и наконец армейская офицерская шинель с полами, обрезанными так, чтобы они не мешали управлять самолетом.

К концу Майкл был так плотно упакован, что не мог даже согнуться, чтобы самостоятельно натянуть ботинки. Биггс опустился перед ним на колени и натянул на его босые ноги сначала шелковые носки, потом две пары шерстяных охотничьих носков, и наконец надел на Майкла высокие ботинки из дубленой шкуры антилопы-куду, которые Майкл заказал в Африке. Сквозь их мягкие, гибкие подошвы Майкл прекрасно ощущал педали управления. Когда он выпрямился, его стройное мускулистое тело выглядело бесформенным под грузом одежды, а руки торчали в стороны, как крылья пингвина. Биггс придержал полотнище палатки, а потом освещал Майклу путь по деревянному настилу, тянувшемуся через сад к столовой.

Когда они проходили мимо других темных палаток, притаившихся под яблонями, Майкл слышал тихое покашливание и шорохи. Все проснулись и прислушивались к его шагам, боясь за него, и, возможно, кто-то старался скрыть облегчение из-за того, что это не ему сегодня утром придется сразиться с аэростатами.

Майкл остановился на мгновение, когда они вышли из сада, и посмотрел на небо. Темные облака уносились к северу, между ними проглядывали звезды, но они уже бледнели перед угрозой рассвета. Эти звезды были по-прежнему чужды Майклу; и хотя он по крайней мере начал узнавать здешние созвездия, они все

равно не походили на его любимые созвездия и звезды — Южный Крест, Ахернар, Аргус и другие. Он опустил взгляд и пошел дальше за Биггсом и его подпрыгивающим фонарем.

Столовая эскадрильи располагалась в старой хижине для рабочих, которую поправили и покрасили, положив на древнюю тростниковую крышу просмоленный брезент, так что внутри стало тепло и уютно.

У входа Биггс отступил в сторону.

— Я вручу вам пятнадцать фунтов выигрыша, когда вы вернетесь, сэр, — тихо сказал он.

Он никогда не желал Майклу удачи, потому что это было наихудшей из примет.

В очаге ревел огонь, и майор лорд Эндрю Киллигерран сидел перед ним, скрестив на приступке очага ноги в тяжелых ботинках, а служащий столовой убирал грязные тарелки.

— Овсянка, мой мальчик! — сообщил майор, вынимая из ровных белых зубов сигаретный мундштук и приветствуя Майкла. — С растопленным маслом и золотым сиропом. Лосось, тушенный в молоке...

Майкл передернулся.

— Я поем, когда вернусь.

Его желудок уже сжался в комок от напряжения, впад в ужас при запахе лосося. При помощи какого-то дядюшки в Генеральном штабе, который организовывал поставки, Эндрю имел возможность обеспечивать эскадрилью наилучшими продуктами, какие только могли предоставить его фамильные поместья в Горной Шотландии, — шотландской говядиной, куропатками и лососем, а в сезон охоты и олениной, а также яйцами и сыром, джемом и консервированными фруктами. А еще редким прекрасным односолодовым виски с непроизносимым названием, который поступал из семейной винокурни.

— Кофе для капитана Кортни! — крикнул Эндрю капралу, что дежурил в столовой.

Когда кофе принесли, майор сунул руку в глубокий карман своей подбитой мехом летной куртки, извлек на свет серебряную фляжку с большим дымчатым топазом на пробке и налил в горячую кружку солидную порцию спиртного.

Майкл задержал во рту первый глоток, перекатывая языком жидкость, позволяя ароматному виски пощекотать его, потом



проглотил; смесь почти мгновенно согрела его пустой желудок, и он почувствовал, как алкоголь проник в его кровь.

Майор улыбнулся Эндрю через стол.

— Волшебство! — хрипло шепнул он. И в очередной раз подул на кончики пальцев правой руки.

— Эликсир жизни, мой мальчик!

Майкл любил этого щеголеватого маленького человека, как никогда не любил никакого другого мужчину, любил больше, чем собственного отца, даже больше, чем своего дядю Шона, который прежде был опорой его существования.

Но это случилось не сразу. При первой встрече у Майкла вызвали подозрения экстравагантная, почти женственная внешность Эндрю, его длинные изогнутые ресницы, мягкие полные губы, аккуратное маленькое тело, изящные руки и ноги и горделивые манеры.

Как-то вечером, вскоре после прибытия в эскадрилью, Майкл учил других новичков, как играть в боку-боку. Под его руководством одна команда соорудила человеческую пирамиду у стены столовой, а другая пыталась ее разрушить, налетая с разбега и пытаясь добраться до верха. Эндрю дождался, когда игра закончилась шумной кучей-малой, а потом отвел Майкла в сторонку и сказал ему:

— Мы все понимаем, что вы свалились на нас откуда-то из-за экватора, и стараемся принимать в расчет ваше колониальное прошлое. Однако...

Их отношения с тех пор были холодными и отстраненными, они постоянно наблюдали за тем, как другой летает и стреляет.

В детстве Эндрю научился определять направление полета красных куropаток, которые летали по ветру в каких-нибудь дюймах над вереском. Майкл обрел такое же искусство, охотясь на эфиопских бекасов и песчаных куropаток, скользивших в африканском небе. Оба они сумели использовать свой опыт при стрельбе из пулеметов Викарса с неустойчивых станков на самолетах «сопвич-пап», с ревом носясь в трех измерениях пространства.

Они наблюдали за полетами друг друга. Умение летать было особым даром. Те, кто им не обладал, погибали в первые же три недели; те, у кого он имелся, держались немного дольше. Через месяц Майкл все еще оставался в живых, и Эндрю снова загово-

рил с ним, в первый раз после того вечера игры в боку-боку в столовой.

— Кортни, вы сегодня летите в паре со мной. — Вот все, что он сказал.

В общем, это должно было стать вполне рутинной переменной очереди полетов. Они собирались «окрестить» двух новичков, прибывших накануне из Англии и налетавших четырнадцать часов на двоих. Эндрю называл их «фураж для „фоккеров“, им было по восемнадцать лет, они были розовощекими и горели воинственным пылом.

— Вы учились фигурам высшего пилотажа? — спросил их Эндрю.

— Да, сэр. — В один голос. — Мы оба делали «петлю».

— Сколько раз?

Оба смущенно опустили сияющие глаза и признались:

— Один раз.

— Черт! — пробормотал Эндрю и с шумом пососал свой мундштук. — А «потеря скорости» вам знакома? Свободное падение.

Оба как будто изумились, а Эндрю схватился за лоб и застонал.

— Падение! — ласковым тоном вмешался Майкл. — Ну, это когда вы теряете скорость и вдруг просто летите вниз.

Оба покачали головой, опять одновременно.

— Нет, сэр, такого нам никто не показывал.

— Гансам вы оба очень понравитесь, — проворчал Эндрю, а потом энергично продолжил: — Так, номер первый, забудьте о петлях и прочей чепухе, вообще забудьте о высшем пилотаже — или, пока вы там будете висеть вверх ногами, гансы вышибут вам задницу через ноздри, ясно?

Оба закивали.

— Номер второй, следуй за мной, делай все так же, как я, следи за сигналами, которые я буду подавать рукой, и мгновенно их выполняй, понял?

Эндрю водрузил на голову свой шотландский берет и повязал его зеленым шарфом, служившим ему фирменным знаком.

— Ну, вперед, детки!

Веда новичков между своими самолетами, они на полной скорости промчались над Аррасом на высоте в десять тысяч футов, и лероновские моторы истребителей «сопвич-пап» рычали



во всю мощь своих восьмидесяти лошадиных сил, — принцы небес, самые совершенные летающие боевые машины, какие только сумел изобрести человек, механизмы, которые сбили Макса Иммельмана и его восхваляемый «фоккер-эйндеккер».

Стоял прекрасный день, лишь высоко-высоко плыли маленькие кучевые облачка, неспособные скрыть «ягдстаффели» бошей, и воздух был настолько чистым и прозрачным, что Майкл с расстояния в десять миль заметил старый биплан «румплер», совершавший разведывательный полет. Биплан кружил на малой высоте над позициями французов, направляя огонь немецких батарей.

Эндрю увидел «румплер» на мгновение позже Майкла и тут же подал короткий сигнал рукой. Он собирался позволить новичкам сбить разведчика. Майкл не знал другого такого командира эскадрильи, который отказался бы от легкой победы, хотя она давала возможность очередного продвижения и награды. Однако он кивнул в знак согласия, и они погнали новичков на снижение, терпеливо показывая им старую двухместную немецкую машину. Но те, не обладая тренированным глазом, никак не могли ее увидеть. И недоуменно смотрели на двух старших пилотов.

Немцы так напряженно следили за взрывами снарядов внизу, что не заметили, как сверху к ним плотным строем быстро приближается смерть. Вдруг молодой пилот, который был ближе к Майклу, восторженно улыбнулся и с облегчением показал вперед. Он наконец заметил «румплер».

Эндрю взмахнул кулаком над головой в старом кавалерийском приказе: «Атака!»

И молодой пилот ринулся вниз, не перекрыв дроссель.

«Сопвич» с ревом нырнул — так неожиданно, что Майкл поморщился, видя, как двойные крылья самолета изогнулись назад под напором воздуха, а полотняная ткань съезжилась у оснований крыльев. Второй новичок последовал за первым так же стремительно. Они напомнили Майклу двух львов-подростков, за которыми он однажды наблюдал: они пытались свалить опытного, старого жеребца-зебру и в комической растерянности рухнули друг на друга, когда жеребец с презрением сбросил их и ускакал.

Оба молодых пилота открыли огонь с расстояния в тысячу ярдов, и немецкий летчик посмотрел вверх при этом своевременном предупреждении; потом, рассчитав момент, сделал вираж

прямо под носом двух самолетов, вынудив их стрелять вслепую, и в итоге они, продолжая бешеную стрельбу, оказались в миле от намеченной жертвы. Майкл видел, как они отчаянно вертят головой в открытых кабинах, пытаясь снова обнаружить противника.

Эндрю грустно покачал головой и повел Майкла на снижение. Они аккуратно зашли в хвост «румплеру», и немец резко взял влево, одновременно забирая вверх, чтобы дать тыловому стрелку возможность прицелиться. Эндрю и Майкл одновременно разошлись в стороны, разочаровав его, но, как только немецкий пилот понял, что его маневр не удался, и изменил направление, они пристроились ему в хвост.

Эндрю шел впереди. Он дал одну очередь из тяжелого пулемета Веккерса с расстояния в сотню футов, заставив пулемет «шпандау» на «румплере» бессмысленно развернуться на вертящейся установке, пока пули триста третьего калибра разбивали его на части. Немец пытался уйти вниз, и «сопвич» Эндрю едва не задел его верхним крылом, проносясь мимо.

Настала очередь Майкла. Он оценил направление движение «румплера», коснулся рычага левого направления так, чтобы его самолет слегка заскользил, пока он разворачивал орудие и переводил его на залповый огонь, а потом, зацепив указательным пальцем правой руки спуск «виккерса», выпустил короткую очередь из пуль триста третьего калибра. Он видел, как обшивка на фюзеляже «румплера» разлетелась в клочья как раз в средней части кабины пилота, там, где должна была находиться верхняя часть его тела.

Немец обернулся и уставился на Майкла — расстояние между ними едва составляло пятьдесят футов. Майкл увидел, что глаза немца за линзами летных очков ярко-голубые и что он не брился этим утром, потому что его подбородок покрывала короткая золотистая щетина.

Немец открыл рот, когда его настигли пули, между его губами выступила кровь из разорванных легких, которая тут же превратилась в розовую пену, летевшую следом за самолетом, а потом Майкл уже отлетел далеко. «Румплер» неловко перевернулся вверх брюхом и помчался к земле; мертвый пилот болтался на ремнях. Самолет упал посреди поля, превратившись в жалкую грудку тряпья и сломанных распорок.



Когда Майкл вернулся на свою позицию у крыла Эндрю, тот посмотрел на него и деловито кивнул, а потом подал знак отправиться за двумя новичками, которые продолжали яростно описывать круги в поисках исчезнувшего немца. Это потребовало больше времени, чем они ожидали, и к тому моменту, когда они наконец снова взяли под свою защиту мальчишек, все они очутились уже гораздо дальше к западу, чем когда-либо забирались Эндрю или Майкл. На горизонте Майкл разглядел жирную блестящую змею реки Соммы, она извивалась по прибрежным районам, стремясь к морю.

Они повернули от нее и направились обратно на восток, к Аррасу, забираясь как можно выше, чтобы не подвергнуться случайной атаке сверху.

Когда они набрали высоту, под ними открылась широкая панорама Северной Франции и южной части Бельгии — пятна полей множества оттенков зелени перемежались с темными коричневыми участками вспаханной земли. Линию фронта трудно было рассмотреть отсюда; с такой высоты узкая полоска обожженной земли казалась незначительной, а отчаяние, грязь и смерть там, внизу, выглядели иллюзией.

Двое опытных пилотов никогда не ослабляли бдительности даже на мгновение, внимательно следя за небом вокруг и пространством под собой. Их головы ритмично поворачивались, глаза не останавливались; оба не позволяли себе сосредоточиться на чем-то недостаточно важном или просто уставиться на вращающийся пропеллер впереди. В противоположность им, двое новичков выказывали беспечность и самоуверенность. Каждый раз, когда Майкл смотрел в их сторону, он видел, что они усмеваются и машут друг другу руками. В конце концов он оставил попытки заставить их следить за пространством вокруг, они просто не понимали его сигналов.

Они шли на высоте в пятнадцать тысяч футов, что было оптимальным в этот момент, и чувство неуверенности, всегда мучившее Майкла, когда ему приходилось лететь низко над незнакомой территорией, растаяло, когда он увидел впереди город Аррас. Он знал, что никакой «фоккер» не может лететь выше их при такой облачности, немецкие истребители просто не способны забраться на такую высоту.

Он еще раз окинул взглядом позиции. К югу от бельгийского Монса висели два наблюдательных немецких воздушных шара,



а под ними летели к Амьену два одноместных самолета из двадцать четвертой эскадрильи.

Через десять минут они должны были приземлиться... но додумать эту мысль Майкл не успел, потому что внезапно самым волшебным образом небо вокруг него заполнилось безвкусно раскрашенными самолетами и грохотом пулеметного огня.

Даже в крайнем изумлении Майкл реагировал автоматически. Но когда он резко повернул свой самолет, похожая на акулу машина, расписанная красным и черным, с белым ухмыляющимся черепом на черном мальтийском кресте пронеслась прямо перед его носом. Еще сотая доля секунды — и он врезался бы в Майкла. Да, они напали сверху, понял наконец Майкл; и хотя он не мог в это поверить, они все же летели выше его «сопвича», выскакивая прямо из облаков.

Один из них, красный как кровь, сел на хвост Эндрю, и его «шпандау» уже палил в сторону нижнего крыла, неуклонно подбираясь к тому месту, где в открытой кабине съежился Эндрю, — его лицо казалось белой каплей под шотландским беретом и зеленым шарфом. Майкл инстинктивно повернул к нему, и немец, не желая рисковать, метнулся в сторону.

— Нги дла! — Майкл, бросившись в погоню за красной машиной, издал боевой клич племени зулусов, а потом с изумлением наблюдал, как противник стремительно удаляется еще до того, как он сумел открыть огонь.

«Сопвич» яростно содрогнулся под ливнем пуль, расчалка над головой лопнула со звуком тетивы, отпустившей стрелу, и в этот момент еще один из этих жутких самолетов атаковал Майкла с хвоста.

Он постарался оторваться, и Эндрю теперь оказался под ним, уходя от другой немецкой машины, быстро догонявшей его, и пытаясь отклониться от линии огня. Майкл рванулся навстречу немцу, и красно-черные крылья пронеслись прямо над его головой, но в то же мгновение появился другой немец, сменивший первого, и на этот раз Майклу не удалось стряхнуть его с хвоста — яркий самолет оказался слишком быстрым, слишком мощным, и Майкл понял, что ему конец.

Внезапно огонь «шпандау» прекратился, Эндрю нырнул под крыло Майкла, отводя от него немца. Майкл в отчаянии последовал за Эндрю, и они начали кружить в кольце обороны, каждый из них прикрывал другому брюхо и хвост, а целая туча не-

мецких самолетов клубилась рядом с ними в злобном разочаровании.

Майкл лишь частью сознания отметил тот факт, что оба новичка уже погибли. Они погибли в самые первые секунды нападения: один унесся вертикально вниз на полной скорости, искалеченные крылья «сопвича» изогнулись от напряжения и наконец просто оторвались от корпуса; второй самолет превратился в пылающий факел и, упав на землю, выбросил в небо густой клуб черного дыма.

А немцы внезапно исчезли таким же непонятным образом, как и появились; ничуть не пострадавшие, неуязвимые, они умчались в сторону своих позиций, предоставив двум потрепанным «сопвичам» тащиться домой.

Эндрю приземлился перед Майклом, и они остановились крыло к крылу на краю фруктового сада. Каждый с трудом выбрался из кабины и медленно обошел свою машину, изучая повреждения. Наконец они оказались рядом, их лица окаменели от потрясения.

Эндрю сунул руку в карман и достал серебряную флажку. Отвинтив крышку с топазом, он отер горлышко флажки концом зеленого шарфа, а потом протянул флажку Майклу.

— Вот, мой мальчик, — тщательно выговаривая слова, произнес он. — Глотни немножко. Думаю, ты это заслужил... я-то уж точно заработал.

С того дня, когда союзное превосходство было сметено с неба над Францией остроносыми истребителями-разведчиками «Альбатрос D» из немецкой эскадрильи «Ягдстаффель», Майкл и Эндрю по отчаянной необходимости стали товарищами, летали бок о бок, организуя оборону, постоянно выручая друг друга, когда нелепо раскрашенные слуги смерти нападали на них. Сначала они довольствовались тем, чтобы просто защищаться, потом стали понемногу испытывать возможности этого нового, смертельного врага, вечерами сосредоточенно изучая донесения разведки, которые приходили к ним с запозданием. И выясняли понемногу, что на «альбатросах» стоят моторы от «Мерседес» мощностью в сто шестьдесят лошадиных сил, в два раза мощнее, чем на «сопвичах» с моторами фирмы «Ле Рон», и что они вооружены двояными пулеметами «шпандау» калибра 7.92, с синхронизаторами огня, направленного вперед, что позволяло вести



огонь сквозь пропеллеры. И все это против одноствольного «виккерса» калибра .303 на «сопвичах». Да, противник превосходил их по скорости и вооружению. «Альбатросы» были на семьсот фунтов тяжелее и могли с огромной скоростью нападать сверху.

— Что ж, старина, нам нужно научиться лупить их в зад, — решил в итоге Эндрю.

Обнаружив слабые места противника, можно было выступать против крупных формирований эскадрильи «Яста». Радиатор «альбатроса» располагался на верхнем крыле прямо над кабиной пилота, и после меткого попадания на того должен был обрушиться поток кипящей смазочно-охлаждающей жидкости, на смерть обварив его.

Пользуясь этим знанием, соратники одержали первые победы и поняли, что, испытывая на прочность «альбатросы», они проверяют и друг друга. Проверка показала: проколов нет. Товарищеские отношения превратились в дружбу, и постепенно между боевыми друзьями возникли настоящая любовь и уважение — даже более глубокие, чем те, что обычно связывают родных братьев. Теперь Эндрю и Майкл могли просто молча сидеть рядом на рассвете, попивая кофе с капелькой виски, ожидая, когда подойдет время выступить против аэростатов-разведчиков и черпая друг в друге покой и силу.

— Монетку? — нарушил молчание Майкл.

Почти пора уже было выступать.

Эндрю подбросил в воздух соверен и, когда тот упал на стол, накрыл его ладонью.

— Орел, — сказал Майкл.

Эндрю поднял руку.

— Везет, как чумному доктору! — проворчал он, когда они оба посмотрели на суровый бородатый профиль Георга Пятого.

— Пойду вторым номером, — заявил Майкл.

Эндрю открыл было рот, чтобы возразить.

— Я выиграл, я выбираю.

Майкл встал, прерывая спор до того, как тот начался.

Нападение на аэростаты было сродни столкновению с африканской гадюкой, большой и медлительной змеей, обитающей в вельде; один человек будил ее, и она поднимала и изгибала шею, готовясь к удару, а второму доставался укус ее длинных, загнутые внутрь зубов, впивавшихся в его лодыжку. К аэростатам приходилось приближаться вслед друг другу: первый самолет



настораживал наземную оборону, а на второго уже обрушивалась вся ярость огня. Майкл намеренно выбрал для себя второй номер. Если бы Эндрю выиграл, он поступил бы точно так же.

Они задержались у выхода из столовой, натягивая перчатки, застегивая куртки и глядя на небо, прислушиваясь к грохоту орудий и оценивая направление и силу ветра.

— Над долинами повиснет туман, — пробормотал Майкл. — И ветер пока что его не разгонит.

— Молись об этом, мой мальчик, — ответил Эндрю.

Неловкие в толстой одежде, они побрели по дощатому настилу туда, где у края сада стояли их самолеты.

Какими благородными выглядели прежде эти летающие машины в глазах Майкла! И какими уродливыми казались теперь, когда он сравнивал их огромные ротационные моторы с узкими акульными носами «альбатросов», оборудованных рядным двигателем... И какими хрупкими они выглядели рядом с мощными германскими машинами...

— Боже, когда нам дадут настоящие аэропланы? — проворчал он.

Эндрю не ответил.

Они слишком часто жаловались на бесконечное ожидание новых SE5a — экспериментальных разведчиков номер 5a, которые им обещали; возможно, тогда они встанут хотя бы наравне с «Ястой».

Самолет Эндрю был выкрашен в яркий зеленый цвет, в тон его шарфу, а фюзеляж за кабиной украшали четырнадцать белых кругов, по одному на каждую из одержанных побед, вроде зарубок на винтовке снайпера. Имя аэроплана было начертано на корпусе мотора: «ЛЕТАЮЩИЙ ХАГГИС».

Майкл выбрал для себя ярко-желтый цвет, а под его кабиной располагались изображение нахмурившейся крылатой черепахи и слова: «Меня не спрашивай, я просто здесь работаю». На фюзеляже красовались шесть белых кругов.

С помощью наземной команды пилоты забрались на нижние крылья, потом втиснулись в узкие кабины. Майкл поставил ноги на педали и для проверки нажал на них по очереди, оглядываясь при этом через плечо, чтобы увидеть, как откликается руль направления. Удовлетворенный, он показал своему механику большой палец — мастер работал почти всю ночь, заменяя один из тросов, перебитых в прошлой стычке. Механик ухмыльнулся и поспешил к носу машины.

— Готов? — крикнул он.

— Готов! — подтвердил Майкл, наклоняясь и выглядывая из кабины, чтобы всмотреться в огромный мотор.

— Подсос!

— Подсос! — повторил Майкл и взялся за рукоять топливного насоса.

Когда механик повернул пропеллер, Майкл услышал, как топливо втягивается в карбюратор под кожаным.

— Контакт!

— Контакт!

При следующем повороте пропеллера мотор ожил и невнятно забормотал. Голубой дымок показался из выхлопных отверстий, в воздухе поплыла вонь горящего касторового масла. Мотор захлебнулся, кашлянул и наконец заработал в обычном ровном ритме.

Пока Майкл заканчивал предполетную проверку, его желудок бурчал и сжимался. Касторовым маслом смазывали сложные моторы, но пары, которыми приходилось дышать пилотам, вызывали у них бесконечную легкую диарею. Старослужащие вскоре научились справляться с ней; виски оказывал удивительный вяжущий эффект, если пить его в достаточных количествах. Однако новичков частенько ласково называли «липкая задница» или «скользкие штаны», когда те возвращались из вылазок красные и воняющие.

Майкл поправил очки и посмотрел в сторону Эндрю. Они кивнули друг другу, и Эндрю открыл дроссель и выехал на влажный торф. Майкл последовал за ним, его механик бежал рядом у правого крыла, помогая развернуться и направиться на узкую грязную полосу между яблонями.

Эндрю впереди уже оторвался от земли, и Майкл дал полную тягу. Почти мгновенно самолет отозвался, а Майкл ощутил укол совести за свое прежнее недовольство. У него отличный аэроплан, летать на нем чистое удовольствие. Несмотря на грязь на полосе, самолет легко взлетел, и на высоте в сто футов Майкл выровнялся вслед за зеленой машиной Эндрю. Уже стало достаточно светло, чтобы Майкл мог рассмотреть справа позеленевший медный шпиль церкви в маленькой деревушке Морт-Ом. Впереди лежала роща, похожая на букву «Т», там росли дубы и березы, и длинная палочка «Т» идеально продолжала посадочную полосу их эскадрильи, являясь лучшим навигационным указателем при посадке в дурную погоду. За деревьями стояла бога-



тая усадьба с розовой крышей, окруженная лужайками и ухоженными садами, а за ней виднелся невысокий холм.

Эндрю взял немного вправо, чтобы миновать холм. Майкл сделал то же самое, всматриваясь вперед через верхний край кабины. Будет ли *она* там? Было еще слишком рано, склон холма казался пустым. Майкл испытал легкое разочарование и страх. А потом увидел ее — она мчалась верхом по тропе к вершине. Большой белый жеребец словно не ощущал веса стройного девичьего тела.

Девушка на белом коне была их талисманом удачи. Если она ждала на вершине холма и махала им рукой, все должно было пройти хорошо. Сегодня, когда им предстояло нападение на аэро-статы, они нуждались в ней — просто отчаянно нуждались в ее благословении.

А она добралась до вершины холма и остановила коня. И за несколько секунд до того, как они изменили горизонт полета, она сорвала с головы шляпу, из-под которой вырвалась густая волна темных волос. Девушка замахала шляпой, и Эндрю покачал крыльями, пролетая мимо.

Майкл подлетел ближе к гребню. Белый жеребец попятился и нервно встряхнул головой, когда желтая машина с ревом ринулась на скакуна, но девушка тут же успокоила животное и снова взмахнула шляпой. Майклу хотелось увидеть ее лицо. Он уже почти поравнялся с вершиной холма, очутившись очень близко к тому месту, где находилась девушка. И на мгновение он заглянул ей в глаза. Они были огромными и темными, и у Майкла подпрыгнуло сердце. Он коснулся шлема, отдавая честь, и теперь знал, знал в глубине души, что сегодня все пройдет отлично, а потом выгнал из мыслей эти глаза и стал смотреть вперед.

В десяти милях впереди, где низкие меловые холмы пересекали линию фронта, Майкл с облегчением увидел, что был прав: ветер еще не рассеял утренний туман, висевший над долинами. Меловые холмы были чудовищно изуродованы артиллерийским огнем, на их склонах не осталось никакой зелени, обломки раздробленных дубов не достигали в высоту и плеча человека, а воронки, оставленные снарядами, перекрывали друг друга, наполнившись уже вонючей водой. Сражения за эти холмы шли месяц за месяцем, но прямо сейчас гряда находилась в руках союзников, ее взяли в начале предыдущей зимы ценой такого количества жизней, что в это не хотелось верить. Изъеденная рытвинами и оспинами земля выглядела пустынной, но она была населена



легионами живых и мертвых, вместе гнивших в пропитанных водой окопах. Запах смерти добирался с ветром даже до тех, кто летел невысоко над этим местом, и вонь оседала в глубине их глоток, вызывая тошноту.

За холмами стояли союзные части Третьей армии — из Южной Африки и Новой Зеландии. Они готовили резервные позиции на случай непредвиденных обстоятельств, ведь если бы наступление союзников, которое готовилось у реки Соммы, провалилось, то вся ярость контратаки немцев обрушилась бы на них.

Подготовке новых линий обороны серьезно мешала германская артиллерия, стоявшая к северу от цепи холмов; она буквально без перерыва заливала местность снарядами со взрывчаткой. Подлетая ближе к линии фронта, Майкл уже мог видеть желтоватую дымку от разрывов гаубичных снарядов, поднимающуюся ядовитой завесой за холмами, и мог без труда представить страдания людей, тонущих в грязи, измученных упорным обстрелом.

По мере приближения к гребню грохот огня стал заглушать даже рев мотора самолета и гудение воздушной струи за ним. Огневой вал был подобен биению штормового прибоя о скалистый берег, стуку обезумевших барабанов, это был лихорадочный пульс больного, свихнувшегося мира, и возмущение Майкла людьми, отправившими их атаковать аэростаты, ослабевало по мере того, как нарастал грохот артиллерийского огня. Эту работу необходимо было сделать — он понял это, увидев все эти чудовищные страдания.

Вот только аэростаты были самой пугающей и ненавистной целью из всех, против которых могли выступить авиаторы; именно поэтому Эндрю Киллигерран не мог послать сюда кого-то другого. Майкл уже видел их — похожие на жирных серебряных слизней, они висели в рассветном небе высоко над холмами. Один находился прямо впереди, другой — на несколько миль дальше к востоку. С такого расстояния канаты, привязывавшие их к земле, оставались невидимыми, а плетеные корзины, из которых наблюдатели прекрасно видели всю территорию тыла союзников, казались просто темными точками, повисшими над сияющими сферами шелка, наполненного водородом.

В этот момент воздух встряхнуло так, что самолеты приподняло; перед ними взлетел в небо столб дыма и пламени, закручиваясь спиралью, черный и ярко-оранжевый, и стал разворачиваться над низко летевшими аэропланами, вынудив их резко по-

вернуть, чтобы ускользнуть от огненной колонны. Германский залп, направленный одним из воздушных наблюдателей, ударил по полевому складу боеприпасов союзников, и Майкл почувствовал, как его страх и негодование улетучиваются, уступая место жгучей ненависти к артиллеристам и к людям, висящим в воздухе, словно стервятники, навлекающим смерть с ледяным бесстрашием.

Эндрю уже повернул обратно к холмам, оставив справа столб дыма, и опустился ниже, затем еще ниже, пока его шасси чуть ли не коснулись брустверов, выстроенных из мешков с песком: теперь можно было рассмотреть южноафриканских солдат, группами передвигавшихся по траншеям коммуникаций. Эти серо-коричневые существа, непохожие на людей, сгибались под тяжестью заплечных мешков и снаряжения. Лишь очень немногие из них потрудились бросить взгляд вверх, когда весело окрашенные самолеты пронеслись над ними. С грязных серых лиц, лишенных выражения, смотрели пустые глаза.

Впереди открывалось одно из ущелий, разделявших меловые вершины. Ущелье заполнял утренний туман. Под легкими порывами бриза он мягко колыхался, как будто сама земля занималась любовью под серебристым покровом.

Где-то впереди, совсем близко, прогрехотал «виккерс». Эндрю проверил свое оружие. Майкл слегка повернул в сторону и тоже дал короткую очередь. Светящиеся зажигательные пули оставили отчетливые белые следы в чистом воздухе.

Майкл вернулся на место позади Эндрю, и они врезались в туман, как в некое другое измерение света и приглушенных звуков. Рассеянный свет создал радужное гало вокруг обоих самолетов, на очках Майкла осела влага. Он поднял их на лоб и всмотрелся вперед.

Накануне днем Эндрю с Майклом тщательно изучили это ущелье, удостоверившись в том, что там нет никаких неожиданных препятствий и запоминая все повороты и изгибы. И все равно это был очень опасный маневр, видимость не составляла и шестисот футов, а меловые склоны отвесно поднимались по обе стороны крыльев.

Майкл приблизился как можно ближе к хвосту зеленого самолета, доверяя Эндрю и зная, что тот проведет его сквозь ущелье. Ледяной холод тумана уже прогрызался сквозь его одежду, заставляя пальцы неметь в кожаных перчатках. Впереди Эндрю